

УДК 811.161.1

О. В. Назарова,

филологический факультет,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. О. Ю. Николенко

Жизнь басенного сюжета «Ворон(а) и лисица»: интерпретация И. А. Крылова

Аннотация. Статья посвящена изучению изменения известного сюжета басни «Ворона и Лисица» в интерпретации И. А. Крылова, описанию и анализу языковых особенностей басни И. А. Крылова в контексте языка басенного жанра конца XVIII — начала XIX в.

Ключевые слова: И. А. Крылов, язык произведений И. А. Крылова, басня, сюжет, язык басни.

Иван Андреевич Крылов (1769–1844) — великий русский баснописец, имя которого знают все, даже те, кто не читал сами басни. К сожалению, в школе знакомство с баснями происходит в основном на уровне сюжета. Безусловно, это важно. Но нам хотелось бы вместе с учениками более глубоко погрузиться в жизнь басни, посмотреть на детали и на язык произведения, особенно в контексте языковой эпохи конца XVIII — начала XIX в., эпохи, определяемой как начало «современного русского языка». Поэтому в работе мы пользовались методами сравнительного лингвистического анализа.

Сюжет для басни «Ворона и Лисица» (1807) И. А. Крылов заимствовал у Эзопа (прибл. 600 г. до н. э.). К этому же сюжету обращались Федр, Бабрий, Игнатий Диакон, Жан де Лафонтен, Г. Э. Лессинг, А. П. Сумароков и В. К. Тредиаковский. Правда, в эзоповском тексте Лиса выманивала не сыр, а мясо. Сыр появляется уже у Федра, в I в. н. э.

Если бы речь шла исключительно о переводе эзоповского текста И. А. Крыловым, то он вряд ли вошел бы в историю как самый известный баснописец-новатор. Басню Эзопа [2, с. 100] и басню И. А. Крылова [3, с. 7] следует считать двумя уникальными текстами.

Писатели явно делают акценты на разных пороках: у Эзопа — глупость, И. А. Крылов первым делом высмеивает всё-таки лесть. Вероятно, отсюда, с одной стороны, незначительные, а с другой — существенные различия в деталях.

Во всех баснях, написанных до А. П. Сумарокова, действующим героем — о главных следует сказать отдельно — был Ворон. Ворона появляется после.

Эзоповская ирония заключается в том, что для осмеяния глупости выбирается Ворон — символ мудрости. «*Эх, ворон, кабы у тебя еще и ум был в голове...*» — говорит ему напоследок Лисица. Заканчивается произведение моралью: «*Басня уместна против человека неразумного*» [2, с. 100].

У И. А. Крылова мораль, наоборот, открывает басню:

*Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок* [3, с. 7].

Из-за смены основной темы главной героиней басни И. А. Крылова можно считать Лисицу, а не Ворону. Именно описанию Лисицы и ее монологу отведена большая часть произведения.

О глупости Вороны напрямую не говорится — мы можем заметить только намеки на это. Здесь важным оказывается двойное наименование птицы. Ворона, в отличие от Ворона, — символ глупости и наивности. Следовательно, вряд ли она сможет противостоять лести. Но в тексте она названа также Вещуньей («*Вещунья с похвал вкружилась голова*») [3, с. 8]. Это устаревшее слово, современным синонимом которому является «предсказательница». «Вещун» родственен слову «вещий». Считалось, что ворона предсказывает несчастье своим криком. Каким же образом такая птица позволила себя обмануть? Наверное, в этом и можно найти авторскую иронию. Может быть, Ворона вовсе и не умная?

К басне мы обратились в целях изучения новаторства языка И. А. Крылова. Стилистические особенности языка басни как специфического жанра формировались в произведениях А. Д. Кантемира, А. П. Сумарокова, И. И. Дмитриева и др.,

но именно И. А. Крылов, связующее звено литературы века XVIII и века XIX, воплотил самое главное для русского читателя басни — новую форму языка литературного произведения, открытую для языка народного, Крылов, по замечанию В. Г. Белинского, стал «самобытным творцом нового элемента русской поэзии — народности» [1, с. 66]. Басни Крылова — «по содержанию, и по изложению, и по языку в высшей степени русские басни» [1, с. 57].

Однако новаторство языка басни Крылова для школьника остается предметом весьма туманным: не отличая литературные и народные языковые единицы, современный молодой читатель относит всё к «старинному» или «старому», отчего и содержание басни лишается дополнительных смыслов. Поэтому школьникам басни зачастую неинтересны, несмотря на их довольно занимательный сюжет. Всё дело в том, что они ученикам непонятны. Басни изобилуют устаревшей лексикой, правда, для конца XVIII — начала XIX в. она была самой что ни на есть актуальной.

*Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит* [3, с. 7].

На первый взгляд в приведенных выше строчках нет ничего сложного. Обратим внимание на глагол «вертит». В XVIII в. ударение падало на окончание: не «вЕртит», а «вертИт». Если бы это слово стояло последним в строке и образовывало бы рифму, мы бы это почувствовали, но в данном примере сразу понять это крайне сложно, особенно пятиклассникам [4, с. 4].

Какие перушки! какой носок! [3, с. 7].

Знакомые нам «пёрышки» в эпоху И. А. Крылова были «пёрушками». Если говорить о том, через «е» или через «ё» произносилось слово, то для конца XVIII — начала XIX в. характерны оба варианта произношения: «пЕрушки» — высокое,

а «пЁрушки» — простонародное. Вероятно, для данного текста уместен именно второй вариант, так как И. А. Крылов активно пользовался элементами народного языка [6, с. 169].

«Носок» — обычное уменьшительно-ласкательное от слова «нос». Только раньше он был не «носиком», а именно «носом» [5, с. 185].

Оживить персонажей, приблизить их к читателю И. А. Крылову помогает невероятно выразительный и естественный язык повествования. Книжная лексика очень просто сочетается с разговорной и даже просторечной.

*Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок* [3, с. 7].

Басня начинается с частицы «уж», свойственной именно народной поэзии, данная частица является традиционным элементом зачина.

Ворона «позавтракать было <...> собралась». Это остаток плюсквамперфекта, который есть в литературном языке, а также в некоторых говорах в виде частицы «было».

Разговорный, экспрессивный фразеологизм «вскружить голову» позволяет нам предположить наличие намека и на честолюбие Вороны: после столь приветливых похвал героиня не могла здраво оценить происходящее.

*Вещунына с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова* [3, с. 7].

Народный дух крыловских басен делает их на первый взгляд достаточно простыми для восприятия. Но если останавливаться на деталях и языковых особенностях, можно найти еще много сложного, но интересного.

1. Белинский В. Г. О Крылове : сб. ст. и высказываний. — М. : ОГИЗ Гослитиздат, 1944. — 73 с.

2. Ворон и лисица (№ 124) // Басни Эзопа: АН СССР «Литературный памятник» / пер., ст. и коммент. М. Л. Гаспарова ; отв. ред. Ф. А. Петровский. — М. : Наука, 1968. — 324 с.

3. Крылов И. А. Полн. собр. соч. Т. 3. Басни, стихотворения, письма / ред. Д. Д. Благого. — М. : ОГИЗ Госизд-во худож. лит., 1946. — 620 с.

4. Словарь русского языка XVIII века: Вып. 3 (Век — Воздуть) / гл. ред. Ю. С. Сорокин. — Л. : Наука, 1987. — 298 с.

5. Словарь русского языка XVIII века: Вып. 15 (Непочатый — Обломаться) / гл. ред. З. М. Петрова. — СПб. : Наука, 2005. — 264 с.

6. Словарь русского языка XVIII века: Вып. 19 (Пенат — Плангерд) / гл. ред. З. М. Петрова. — СПб. : Наука, 2011. — 238 с.